УДК 1:3

Е.А. Тюгашев
Новосибирск

АКВАТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ П.А. СОРОКИНА

Цитирование: Тюгашев Е.А. Акватическая картина мира в социокультурной феноменологии П.А. Сорокина // Наследие. 2020, № 1(16). – С.45–60.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.1.3>

Citation: Tyugashev E.A. *Akvaticheskaya kartina mira v sociokul'turnoj fenomenologii P.A. Sorokina* [Aquatic world view in the sociocultural phenomenology of Pitirim Sorokin] // *Nasledie* [Heritage]. 2020, No. 1 (16). – pp.45–60.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.1.3>

Для описания мира, общества и истории П.А. Сорокин активно использовал акваморфизмы, т.е. образы стихии воды. Натурфилософский язык стихий есть необходимый инструмент социокультурной феноменологии, реализующий естественную установку исследователя. Обращение к акватической картине мира помогло П.А. Сорокину обеспечить первоначальную систематизацию «океана фактов» в рамках лично-определенного волнового видения мира. В противоположность пессимистическому и оптимистическому фатализму П.А. Сорокин открыл перспективу творчества поступательного и варибельного исторического процесса.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, социокультурный подход, социокультурная феноменология, картина мира, стихия воды.

Tyugashev E.A. Aquatic world view in the sociocultural phenomenology of Pitirim Sorokin

To describe the world, society and history Pitirim Sorokin actively used Aquamorphisms, that is, images of water. The natural philosophical language of elements is a necessary tool in sociocultural phenomenology expressing natural attitude of a researcher. The appeal to the aquatic image of the world helped Pitirim Sorokin to ensure the initial systematization of the "ocean of facts" within the framework of the personally defined wave vision of the world. In contrast to both pessimistic and optimistic fatalism Pitirim Sorokin found out perspective creativeness of the progressive and variable historical process.

Key words: Pitirim Sorokin, sociocultural approach, sociocultural phenomenology, world view, element of water.

Акватическая картина мира – это образ мира как водной стихии. При тщательном прочтении трудов П.А. Сорокина можно заметить немало акваморфизмов, т.е. па-

раллелей и сравнений, проводимых между различными проявлениями стихии воды и реалиями мира, прежде всего реалиями общества и его истории. С известной долей преувеличения можно утверждать, что если Фалес предложил гидрокосмогонию, то П.А. Сорокин оперировал гидроонтологией. Такой взгляд на мир достаточно архетипичен и широко представлен в произведениях художественной литературы, в которых используются образы водной стихии. Цель статьи состоит в выявлении акваморфизмов в творчестве П.А. Сорокина и анализе их познавательного значения.

Репрезентация в социокультурной феноменологии

П.А. Сорокина можно считать начинателем социокультурной феноменологии. В этом отношении он является последователем Э. Гуссерля, с творчеством которого был знаком.

Характеризуя «методы прочтения» и возможные интерпретации социокультурных феноменов, П.А. Сорокин отмечал разнообразие форм, способов и предпосылок, на основании которых эти интерпретации могут осуществляться. Он дифференцировал психологическое понимание, причинно-функциональное истолкование и логическую интерпретацию, содержание которой зависит от того, какая из «больших посылок культуры» избирается в качестве исходной. Каждый из методов прочтения основывается на специфичных принципах и формулах, процедурах и конкретных способах описания. Согласно П.А. Сорокину, все эти методы прочтения со свойственными им формулами в определенной последовательности применяются к беспредельной Вселенной, к социокультурному универсуму, а также к отдельному социокультурному явлению.

Первоначально все воспринимается как хаос, сложный и неисчерпаемый, состоящий из бесчисленных, разнообразных и бессвязных на вид отдельных фрагментов (объектов, событий, процессов), имеющих бесконечное множество форм, свойств и связей. И никто из нас никогда не представляет сначала универсум как нечто целое, полностью и компактно собранное. Только применение различных методов прочтения действительности постепенно упорядочивает хаос и улавливает в нем единообразие, связи и смысл.

Таким образом, «схватывание» феномена, его репрезентация (представление) не являются непосредственными. Его прочтение осуществляется методично, последовательно и инструментально опосредованно – через различные дистинкции и ассоциации, формулы и смыслы.

Высказываясь в отношении способа обработки эмпирического материала, П.А. Сорокин замечал, что в недостаточно развитой научной дисциплине далеко не сразу возможно чисто дедуктивное построение стройной «системы». «В силу этого можно соткать прекрасную сеть дедуктивных рассуждений, но она может здесь не дать никакого улова “из моря эмпирических фактов”. И наоборот, можно собрать множество фактов из мира конкретности, но если нет никакой “сети”, то нам нечем будет ловить эту “рыбу”» [Сорокин, 2015б, с.13]. Из-за этого приходится использовать промежуточные концептуальные схемы. Они могут быть примитивными, даже архаичными. Но, согласно известному закону, и в научной мысли онтогенез вос-

производит и снимает в себе филогенез. Весь путь репрезентации феномена так или иначе должен быть пройден с использованием соответствующих репрезентаторов.

Тезаурус репрезентаторов объективно дан в социокультурном мире субъекта. Поэтому феноменология любого явления выступает социокультурной феноменологией. По привычной схеме социокультурные ресурсы включаются в поступательный процесс репрезентации. Поэтому возникает вопрос: с каких репрезентаторов следует начинать?

Естественный язык стихий

Одним из требований феноменологического метода является полный отказ от предвзятых гипотез и привычных допущений. Необходимо описать только то, что дано непосредственно и с очевидностью. Как отмечает А.М. Улановский, для феноменологического описания наиболее предпочтителен обыденный язык [Улановский, 2004].

Преимущества естественного языка – языка обыденного сознания – усматриваются в следующем:

- во-первых, это его лексическое богатство, позволяющее уловить оттенки феномена, значимость фиксации которых трудно сначала в полной мере оценить;
- во-вторых, нестрогость, семантическая неопределенность обыденных понятий, адекватная и текучести самого феномена, и размытости его восприятия в потоке сознания;
- в-третьих, естественный язык менее всего связан с укоренившейся традицией объяснения и шаблонами восприятия.

Используемый в обыденном сознании естественный язык обеспечивает средствами репрезентации наиболее естественную установку сознания. Так, Э. Гуссерль писал о пути познания феноменов: «Мы начнем наши рассуждения как люди естественной (natürlich) жизни: мы представляем, судим, чувствуем, желаем “в естественной установке”» [цит. по: Молчанов, 2018, с.27].

Разумеется, сам естественный язык является «геологически» сложным многоуровневым образованием, в структуре которого отложилась духовная история народа. Поэтому всегда существует проблема выбора формы естественного языка. Г.Д. Гачев показал эффективность использования для реконструкции национальных картин мира архаического натурфилософского языка «четырех стихий».

Преимущества языка стихий Г.Д. Гачев видел в культурной универсальности, мировоззренческой переводимости и общепонятности. «Язык же первоэлементов не надо выдумывать, он есть и неизбежно пребывает в смене времен, в прибое племен», – писал он [Гачев, 2003, с.15]. Этот язык укоренен в религиозно-мифологических представлениях, общедоступен и эвристичен для искусства и науки: «Сам акт наложения древнего языка четырех стихий на современность, заарканивая и отождествляя концы и начала духовной истории человечества, есть фундаментальная мета-фора (пере-нос) и образует поле, с которого снимается богатый урожай образов и ассоциаций посредством дедукции воображения и воображением...» [Гачев, 2003, с.15]. Действительно, обращение к языку стихий –

это не регрессивное движение в онтологии, а ее более фундаментальная проработка, обеспечивающая полноту реализации естественной установки в описании феноменов.

Язык стихий был не чужд П.А. Сорокину. Характеризуя свой творческий замысел, он писал в «Системе социологии» о том, что необходимо познать «сложный узор общественных явлений, уловить их закономерность, короче – хоть немного отдернуть то таинственное покрывало Изи́ды, которое до сих пор скрывает от нас тайны социальных процессов, делает народы и человечество не повелителями своих судеб, а жалкими игрушками непонятных и неизвестных нам социальных стихий» [Сорокин, 1993а, с.98]. Не решив задачу построения социальной аналитики, по его мнению, «социология по-прежнему будет бессильно топтаться среди необозримого океана социальных явлений; вне ее мы будем бессильно барахтаться в волнах социального моря, неспособные ни понять их, ни управлять ими, ни даже уяснить себе нашу прошлую историю, осознать наше настоящее и тем более – предвидеть будущее» [Сорокин, 1993а, с.98].

П.А. Сорокин именно использует язык стихий, несколько драматизируя положение человечества. В какой-то мере народы бывали повелителями своих судеб. Социальные стихии также отчасти понятны и известны. Да и стихиями в действительности не управляют – энергию стихий используют с помощью различных средств. Именно энергия социальной стихии привлекает внимание как ресурс.

«Коми море» – первоисток акватизма П.А. Сорокина

Родной природной стихией П.А. Сорокина был лес. Реставрируя церкви, с вершук куполов он замечал: «Подобно маленьким островкам в море, затерялись в этих лесных массивах села и деревушки коми народа» [Сорокин, 1992, с.12]. И о более поздних приключениях он вспоминал: «Месяц с лишним провели мы в этом безбрежном лесу, перебираясь с одного места на другое...» [Сорокин, 2017, с.100].

Следовательно, лес воспринимался как море. Это в целом характерно, по его мнению, для России и особенно для Русского Севера, где «поселки, деревни и села с кольцом утилизируемых земель теряются, как маленькие островки, в океане необработанных пространств земли» [Сорокин, 2014б, с.109].

Подобно же восприятие складывалось у одного из зачинателей коми литературы В.А. Савина, который летал на гидроплане и видел «лес без конца и края» [Шергина, 2015]. В песне «Коми море» (1932) у него есть следующие строки: «Не видал я сине море, Его голос не слышал. Говорят, широко море, Кто хоть раз на нем бывал. ... Мне знакомо коми море – Без конца и края лес...» [Савин, 2014].

Как видим, образ бескрайнего «моря тайги» возможен и для человека леса, если ему удастся занять соответствующую точку зрения. Но после освоения образа формируется соответствующий гештальт восприятия. Так, П.А. Сорокин в 1915 г. писал Е.И. Михайловой: «Стоит дойти до забора сада, и открывается море полей с высокой, уже колосющейся рожью» [Сорокин, 2014б, с.9]. Так гештальт моря становится архетипическим.

«И вечно волнуясь я...»

К акватической метафоре волны П.А. Сорокин обращался, характеризуя основные психологические типы коми – «непротивленца», спокойно выполняющего свой долг, и тип демонический, мятущийся и волнующийся [Сорокин, 2014б, с.62–63].

Данные типы можно соотнести с дифференцированными в дальнейшем типами ментальности и культуры. Безмятежность П.А. Сорокин усматривал в идеалистической культуре, а вечную взволнованность – в чувственной культуре [Сорокин, 2006, с.141–142].

Не исключено также, что указанные два психологических типа коми составляют дуальную сопряженную пару, взаимодействие в рамках которой определяет специфическую социокультурную динамику народа коми, происходящую через суперритм смены чувственной и идеалистической культуры [Тюгашев, Попков, 2018].

Себя в юности П.А. Сорокин относил к волнуемому типу. В одном из стихотворений он так описывал своего лирического героя:

Все отражаю я... все...
И вечно волнуясь я, все отражая...
Это волнение – ветра ночного дыхание...
Стихший аккорд прозвеневшей тоски и раздумья...
Это волнение – сталью снегов и морозом рожденное...
Снегом холодным рожденное и ... снова родящее сталь...
Это волнение – дикая вьюга, безумный порыв...
Это – удар, разбивающий скалы...
Тихая смерть я и бездна молчанья...
Это волнение – жизнь... Это волнение – смерть...

[Сорокин, 2017, с.420].

Впрочем, он универсализировал волнуемый тип личности, рассматривал волнение как нормальное человеческое состояние. В частности, в 1915 г. в одном из писем П.А. Сорокин оправдывался: «К сожалению, человек не камень, а потому ему свойственно волноваться, а иногда и слишком» [Сорокин, 2017, с.468]. И неоднократно в различных работах повторял и варьировал изречение известного богослова XVII в. Ж.Б. Боссюэ: «Человек волнуется, а Бог руководит им».

Волны Вселенной

Волнуется не только человек, но и мир. «Короче, мир волновался», – так описывал П.А. Сорокин состояние человечества в романе «Прачечная человеческих душ» [Сорокин, 2017, с.236]. В целом для него характерна волновая картина мира.

П.А. Сорокин усваивает учение Г. Тарда о том, что мир есть среда, в которой распространяются различные волны, а каждое тело есть композиция колебательных движений. Благодаря столкновению и интерференции волн мировой процесс не замирает, а находится в состоянии постоянного творчества нового, в необратимом движении вперед [Сорокин, 2014б, с.176].

Симпатичен ему и взгляд А. Бергсона на Вселенную как сплошной поток. Временами притормаживая, этот поток превращается в колебание на месте и создает отдельную вещь [Сорокин, 2014б, с.604].

Несомненно, что П.А. Сорокину было знакомо мировосприятие К.Ф. Жакова. Резюмируя достижения физики и химии, последний писал: «Вечное движение, вечную деятельность мы должны предполагать в основании явлений; здесь наше познание приближается к пределу, и этот предел – разнообразное движение, колебание, волнение» [Жаков, 1904, с.28].

Истоки волнового мировосприятия К.Ф. Жакова можно усмотреть в мышлении коми. Мудрость коми говорит: «Жизнь, что волны моря; волны переменны, мореечно» [Жаков, 1905, с.138]. В своей поэме К.Ф. Жаков восклицал: «Волны бытия! куда вы стремитесь, Откуда притекаете вы, и плещете Мне в сердце горькою волною?» [Жаков, 1905, с.155]. В его автобиографической повести «Сквозь строй жизни» (1912–1914) мы находим следующее резюме картины мира, предвосхищающее чуть позже выраженные взгляды П.А. Сорокина: «Пространство кругообразно, и лучи света и тепла, ушедшие в бесконечность, вернутся снова через вечность в прежние пункты, и мир как бы повторяется, но так как тенденции могут суммироваться в различных вариациях, каждая новая Вселенная отличается от прошлой. Таким образом, мир есть великий ритм. Высший гребень вселенской волны – высочайшее совершенство, низший – как бы хаос. Так из вечности реализуется высочайшее Благо – многообразие бытия и всех его ценностей» [Жаков, 1996, с.106].

Так и П.А. Сорокин писал о волнах моря жизни: «Великая симфония жизни “делает ставку” на бесчисленное количество отдельных процессов, каждый из которых, подобно морской волне, повторяется только во времени или только в пространстве, или и в пространстве и во времени, периодически или не периодически, с короткими или длинными интервалами» [Сорокин, 2006, с.102]. Практически любой процесс, по его представлениям, ресурсно ограничен, рано или поздно истощается и достигает предела – «точки насыщения», после чего зачастую идет в обратном направлении. Поэтому колебания в каждой сфере общественной жизни повторяются бесконечно.

Вечно текущая социальная среда

Уже в ранней работе «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913) П.А. Сорокин дифференцировал в волнуемой Вселенной ступени бытия по степени текучести. На его взгляд, природа устойчива, постоянна и неподвижна. Катаклизм и пертурбации в ней – случайное и кратковременное исключение. А вот социальная среда – сплошной катаклизм. Она неустойчива, вечно подвижна и способна давать резкие колебания [Сорокин, 2015б, с.261].

По критерию соотношения статики и динамики дифференцируются и ступени социальной жизни. «На заре истории в первобытных социальных группах ее текучесть, конечно, очень медленна» [Сорокин, 2015б, с.265]. Несколькими годами позже в «Общедоступном учебнике социологии» он сравнивал изменяющуюся социальную жизнь с бурным водопадом, несущимся «со стремительной быстротой, и чем дальше от истоков, т. е. от древних первобытных времен, тем быстрее» [Сорокин, 2019а, с.329]. И выделял ряд закономерностей:

- «среда европейских народов более неустойчива, чем среда диких племен» [Сорокин, 2019а, с.329];

- «горные народы, как общее правило, гораздо более консервативны, чем народы равнин или особенно народы морского побережья, служащего местом, посещаемым и проходимым многими другими группами» [Сорокин, 2019а, с.433];
- «...в деревне, жизнь течет медленно, царствует старый обычай, новшества редки. В городе жизнь бьет шумным потоком» [Сорокин, 2019а, с.329–330];
- «чем цивилизованнее социальная группа, тем изменения происходят быстрее» [Сорокин, 2019а, с.329].

В целом П.А. Сорокин убежден, что чем шире круг общения, тем интенсивнее и разнообразнее контакты, формирующие сплошной текущий поток социальной среды, пробуждающий желания и сознание.

Аквасфера П.А. Сорокина

Аквасфера неоднородна. П.А. Сорокин дифференцировал «обширные моря социальной реальности» [Сорокин, 2015б, с.13]. В его зрительном восприятии огромное человеческое море состоит из отдельных волн – процессов взаимодействия, образуемых ими социальных групп, институтов и организаций, которые возникают, длятся и исчезают. «Весь обширный океан мировой истории человечества составляется из отдельных ручьев и речек, каковыми являются отдельные длительные и мгновенные процессы взаимодействия, – писал он. – Одни из них, а именно организованные потоки взаимодействия, имеют определенные очертания берегов, определенное русло, другие – неорганизованные процессы или группы – подобны бесформенной болотной воде, не имеющей определенного русла, ясных береговых очертаний и точно выраженного течения» [Сорокин, 2019а, с.220].

Отдельные части аквасферы, с одной стороны, обособлены, а с другой стороны – взаимосвязаны и переходят друг в друга. Массы людей циркулируют между различными частями и уровнями аквасферы.

Использование новых средств транспорта напоминает П.А. Сорокину «появление новой реки в безводном месте: появляясь, она сносит и приводит в движение бревна, доски, камни, куски земли, все, что лежит на ее пути или около ее берегов» [Сорокин, 1993б, с.532]. Миграционные потоки текут быстрее и быстрее, и «стоячая вода» населения отдельных мест исчезает: «Теперь население похоже на кипящий котел воды, где большинство частиц циркулируют от края и до края, сверху до низу и обратно. В прошлом – картина стоячего пруда, где только отдельные частицы передвигались на далекие расстояния; большинство же умирало в пределах своей местности, того видимого горизонта, за которым был “конец света”» [Сорокин, 1993б, с.533].

Такая циркуляция индивидов по сообщающимся сосудам предотвращает истощение одних резервуаров и переполнение других, обновляет их содержимое. Если социальная мобильность интенсивна, то индивид может перепробовать себя на поприще разных форм деятельности, «познать самого себя» и занять то место в общественной жизни, где в наибольшей степени проявит свои таланты. П.А. Сорокин ссылается на авторитет Т. Рузвельта, по мнению которого «в идеальном обществе всем людям можно найти соответственное место; все способности, вплоть до кровавых аппетитов преступника, можно утилизировать с пользой для общества,

предоставив для их удовлетворения надлежащие общепользные функции» [Сорокин, 1993б, с.557].

Таковы преимущества системы автономного самоопределения личностей и автономной их циркуляции. Если же циркуляция индивидов между резервуарами и инфильтрация в них затруднены барьерами, то «“пар” недовольства и оппозиции будет копиться всюду» [Сорокин, 1993б, с.557], что чревато социальными взрывами.

По наблюдению П.А. Сорокина, в каждой замкнутой социальной группе со временем происходит «дегенерация» и из поколения в поколение накапливается несоответствие между способностями и социальными требованиями. «В итоге рано или поздно, – как писал он, – под напором накопившихся “головастиков” внизу и “гнили” наверху перепонки, разделяющие социальные слои, лопаются» [Сорокин, 2019а, с.527]. «Накопившийся гной» выпускается, и история народа снова входит в берега.

«Человек-стихия»

Казалось бы, биосоциальный отбор должен создать устойчивую социальную структуру. Поэтому причины «дегенерации» в каждой социальной группе не вполне ясны. П.А. Сорокин фиксировал эту ситуацию как факт и ориентировал на всеобщую социальную мобильность как механизм сбалансированного устойчивого развития. Так в чем же заключаются причины социальной динамики?

На мой взгляд, П.А. Сорокину виделось несколько групп факторов, выводящих социальную ситуацию из равновесия.

Во-первых, волны Вселенной, или природный циклизм. Биогосферные факторы так или иначе вызывают землетрясения, наводнения, засухи, неурожаи, эпидемии, войны и т.п. Природные катаклизмы, происходящие с известной регулярностью, с необходимостью вызывают социальные подвижки. «В 1789 и начале 1790 г. голод усиливался *crescendo*, – отмечал П.А. Сорокин, – *crescendo* развертывалась и революция» [Сорокин, 2015а, с.547]. Один катаклизм влечет за собой цепь других. «Снова и снова мы видим, насколько огромны социальные круги явлений, порождаемые камнем голода, брошенным на чистое зеркало океана истории! – писал исследователь. – Они не исчерпываются одним кругом, а вызывают второй ряд кругов, третий и т.д. И пенятся они человеческой кровью, сверкают радугой страданий, вызывают буруны, разрушающие монолитные утесы общественных устоев, меняют направление течений социального океана!» [Сорокин, 2014а, с.265].

Во-вторых, человек является носителем противоречивых инстинктов-рефлексов. Он представляет собой «бомбу, начиненную множеством сил и тенденций, способную взорваться и явить картину дикого буйства» [Сорокин, 2015а, с.276]. Это и происходит при изменениях условий среды, ущемляющих удовлетворение базовых потребностей. «...Тогда мы получаем массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, революции...», – писал П.А. Сорокин [Сорокин, 2015а, с.277].

В-третьих, это неравномерность биосоциальной динамики. Стабилизация социальных условий в зрелых сообществах ведет к смене стратегии размножения. Рождаемость в богатых и аристократических семействах, среди городского населения

снижается. «Поток жизни, берущий начало от отдельной семьи, в конце концов, чрез большее или меньшее число поколений, или высыхает начисто, вследствие смерти всех лиц, происходящих от нее, – констатировал П.А. Сорокин, – или настолько растворяется в реке жизни, составляемой потоками множества семейств, что ни биологически, ни тем более социально, становится невозможным выделить его из этой общей реки. Он совершенно смешивается в общем море и прекращает свое бытие» [Сорокин, 1993б, с.485]. Человеческое море не убывает, но происходят циркуляция человеческих масс и ротация элит.

В-четвертых, уже сформировавшиеся социальные среды постоянно генерируют волны инноваций. По оценке П.А. Сорокина, горожанин, например, находится в состоянии гиперстимуляции внешними раздражителями. «Отсюда – его творчество, его новаторство, его созидательная продуктивность в промышленности, науке, искусстве, политике и т.д. Благодаря тому же обстоятельству сам горожанин максимально активен, смел, всегда в той или иной мере авантюрист – то хитрый, то ловкий, то жестокий. Он – изобретатель. Он – новатор. Он сгусток одних нервов. Из города идут волны новаторства», – писал П.А. Сорокин [Сорокин, 2019б, с.571].

В-пятых, в каждом социуме – даже в период господства конкретной ментальности (культуры) – сосуществует множество типов ментальностей (культур), вовлеченных в социальный водоворот, перемешивающий слои. Эти слои не всегда заметны. Но могут быть зафиксированы, например, через разнообразие учений: «Каждый из нас, как щепка, попавшая в бурный водоворот, несется потоком общественной жизни, ударяется, подбрасывается вверх, кидается вниз независимо от наших желаний и учений. У нас почти нет возможности, спокойно сидя на берегу, перевести дух и сообразить, где мы и что мы, что мы делаем и что нам хотелось бы делать» [Сорокин, 2006, с.404].

«Стихия вводится в берега»

Но П.А. Сорокин не забывал фиксировать и то обстоятельство, что при постоянстве условий социальные акты и взаимодействия все же застывают на то или иное время. При медленном темпе социального развития образуются автоматически устойчивые шаблоны поведения, которые становятся все тверже и тверже. Только тогда возможна сколько-нибудь продолжительная совместная жизнь.

В потоке взаимодействия постепенно устанавливаются статусы, социальный порядок и нормы, дающие начало «гармонически-мирному» периоду общественного развития. «Короче, коллективное единство по мере продолжения своего существования кристаллизуется и организуется, – заключал П.А. Сорокин. – Подобно тому, как насыщенный раствор какой-либо соли, испаряясь в спокойном состоянии, постепенно кристаллизуется, подобно тому, как мутная вода, оставаясь в покое, постепенно проясняется и муть оседает на дно, так и взаимодействие людей, повторяясь много раз, постепенно шаблонизируется и принимает точные очертания» [Сорокин, 2019а, с.234]. Именно это и происходит на нисходящем этапе социальной революции: «Взбаламученное социальное море начинает оседать, “муть” уменьшается, все яснее и яснее кристаллизуется система социального агрегата, и оформляется его

структура. Параллельно происходит процесс “кристаллизации” “душ” индивидов и их поведения» [Сорокин, 2015а, с.459].

Кроме того, «люди подобны полипам, выделяющим из себя коралловые рифы» [Сорокин, 2019а, с.213]. К ним П.А. Сорокин относит предметные проводники, составляющие материальную культуру общества: «Слой за слоем выделялись они жившими людьми, слой за слоем оседали и в итоге образовали целый мир материальной культуры...» [Сорокин, 2019а, с.213]. П.А. Сорокин замечал, что следующие поколения живут уже среди этих рифов. Наследуя материальную и духовную культуру, люди отграничивают себя не только от окружающей среды, но и друг от друга, регулируя волны раздражений от социальной среды.

Обособляясь друг от друга, люди формируют устойчивые и локализованные социальные взаимодействия и группы, которые П.А. Сорокин также описывал как волны. В этих институтах людское море застывает, переходит в твердое агрегатное состояние.

Наиболее устойчивым общественным институтом П.А. Сорокину представляется семья: «Как утес среди бурь и волнующегося океана, она выдерживала натиск революций и оставалась мало измененной» [Сорокин, 2019а, с.448]. Но именно поэтому подвижки в институте семьи влекут за собой глубочайшие изменения во всех этажах социального здания. «“Семейный ледоход” бывает редко, – писал он. – Но раз он начался, он вызывает огромный ледоход во всех областях общественной жизни» [Сорокин, 2019а, с.449].

Образ ледохода знаменует разогрев общественной жизни, подтаивание и разрушение застывших шаблонов поведения. Чем архаичнее и консервативнее общественная жизнь, тем с большим трудом достигается слом: «Подобно тому, как требуются более сильный удар и более тяжелый лом для того, чтобы пробить толстый слой льда, подобно этому требовались и жестокие кары и грандиозные награды, чтобы “пробить” и “искоренить” социально вредные шаблоны поведения человека первобытных эпох, когда эти шаблоны поведения в огромной своей части были результатом многовекового родового повторения и благодаря этому успели кристаллизаться и застыть» [Сорокин, 2015б, с.274]. В условиях социальной динамики общественные преобразования происходят значительно легче: «И наоборот: подобно тому, как достаточно легкого прикосновения к только что застывшему тонкому слою льда, чтобы его разрушить, так же достаточно и легкого давления нежесточких кар и наград, чтобы изменить эти подобию шаблонов в желательную сторону» [Сорокин, 2015б, с.274].

Кристаллизация деятельности позволяет ограничивать и направлять, т.е. «канализировать» социальные взаимодействия. Так, государство посредством репрессивного аппарата «вводит поведение индивида в известные каналы и заставляет его течь по последним» [Сорокин, 2019а, с.502]. Поэтому рекомендуется не подавлять инстинкт, а «канализировать» его, дать ему выход «в положительных формах (как путем труб инженеры дают выход в желательном направлении воде)» [Сорокин, 2019а, с.412]. К таким сублимирующим и канализирующим формам П.А. Сорокин относил спорт, конкуренцию.

«Человек-корабль»

Застывающие шаблоны поведения – речевого, бытового, религиозного, нравственного, эстетического и т.п. – индивида напоминают П.А. Сорокину «костюм», который можно снять или переменить [Сорокин, 2019а, с.423]. Это своего рода габитус, опредмечивание живой социальной деятельности в теле индивида.

«Костюм» из шаблонов позволяет человеку передвигаться в людском море. Отсюда уподобление человека кораблю: «Каждый из нас подобен кораблю, значительная часть движений которого направляется штурвальным корабля – нашей волей. Но не только от воли этого штурвального зависит движение корабля. В него постоянно ударяют волны моря, иногда слабые, иногда могучие; эти волны – волевые акты других людей» [Сорокин, 2019а, с.373].

Не только удары судьбы могут привести к кораблекрушению. Многие люди мечутся в суете, ужасе или тоске из-за отсутствия веры в целесообразность своего дела. Например, по причине утраты религии: «От берега религии они оттолкнулись и пустились в темную ночь в широкое море, страстно желая найти новую, неведомую землю счастья... То тут, то там видят они признаки этой счастливой земли, плывут туда и ничего не находят... Опять нужно плыть. Силы в конце концов истощаются, и они или гибнут, или за счастливую землю принимают какой-нибудь жалкий коралловый остров и остаются жить там...» [Сорокин, 2017, с.43].

Наиболее характерна эта ситуация, по мнению П.А. Сорокина, для переходных периодов, особенно при кризисе перзревшей чувственной культуры. Окруженный хаосом конфликтующих норм и ценностей и лишенный какого-либо авторитетного руководства или надличностного правила, индивид становится неустойчивым. «Как неуправляемый корабль в бушующем море, подобного индивида кидает из стороны в сторону силой обстоятельств, – писал он. – У него нет понятия, насколько последовательны его действия и к чему он стремится; короче говоря, он становится непоследовательным и дезинтегрированным комплексом случайных идей, верований, эмоций и импульсов» [Сорокин, 2018, с.143].

Правильный курс человека-корабля – и государства-корабля – определяется наличием стабильных норм и ценностей и связывается П.А. Сорокиным, прежде всего, с идеациональной культурой: «От берега чувственной свободы мы уже отплыли, а в идеациональный порт не прибыли. Его еще пока даже и не видно. Мы – в море, волнуемом штормами, нас беспорядочно и круто бросает то туда, то сюда; нами бесцеремонно командуют диктаторы-самозванцы – “капитаны корабля”, мы страдаем и находимся в оцепенении, будучи оглушены и деморализованы» [Сорокин, 2006, с.624].

Оценки кризиса нашего времени, данные П.А. Сорокиным, во многом предвосхищают оценки общества футурошока. Сходны и пути выживания в ситуации кризиса. Так, заметим, что даже «жалкий коралловый остров» может стать временным приютом, островком безопасности и стабильности. Такими островками могут стать наиболее стабильные социальные организации (семья, община, церковь). Естественными представляются регрессия к псевдоидеациональной культуре и ориентация на удовлетворение базовых, жизнеобеспечивающих потребностей. По П.А. Сорокину, в социальной революции любого масштаба сохраняются полезные шаблоны поведения и другие элементы материальной и духовной культуры. Следовательно, су-

ществуют историческая преемственность, детерминированность и направленность общественной жизни.

Приливы и отливы в океане истории

И существует также механизм ограничения и имманентной саморегуляции колебательных процессов. В интегрированной единице – а общество интегрировано биосферу – процесс, развивающийся в определенном направлении, порождает, благодаря собственной активности, силы, которые его модифицируют.

Самоизменение процесса П.А. Сорокин описывал на примере Великой французской революции. По мере продвижения революционного процесса сторонники революции переходят в стан ее противников: «В силу общего ущемления революционный порыв сначала был единодушным, потом в силу разных интенсивностей и числа ущемленных рефлексов он разделяется на разные струи. Чем дальше бежали максимально ущемленные экстремисты, тем революционный поток сильнее мелел, тем больше сзади оставалось групп, достигших нужного им избавления от ущемления, и тем сильнее революция в лице своего авангарда ущемляла эти группы и отбрасывала их назад в лагерь противников ее дальнейшего углубления и экстремизации» [Сорокин, 2015а, с.571].

Так и европейское религиозное искусство в XV–XVI вв. «превращалось в мелеющий поток, однако и он не был единым, а распадался на ряд почти незаметных отдельных ручейков» [Сорокин, 2006, с.168]. А до этого на рубеже IV–V вв. исчерпал себя и иссяк чувственный поток эллинистической греко-римской литературы. «На смену ему шел нарастающий прилив христианской идеациональной литературы, в начале нашей эры еще тонкой струйкой, но в пятом и последующих веках – магистральным потоком», – писал П.А. Сорокин [Сорокин, 2006, с.245]. Параллельно этим флуктуациям литературы шли волны в искусстве.

По аналогичной циклической схеме в истории прокатывались сменяющие друг друга длинные и короткие, сильные и слабые волны (мелкой зыбью) доминирования то одной, то другой формы культуры. Эхом они отдавались в ряде волн подражания предшествующим формам. Социальные организации также пульсируют – по типу краткосрочных (шквалы, конвульсии) или длинных волн – между крайними формами режимов функционирования.

Все эти повторения не являются абсолютно идентичными. Социокультурные процессы могут развиваться по прямой линии (но в ограниченных пределах), циклически или по спирали, описывать петли и совершать нерегулярные осцилляции, принимать волнообразные и другие различные формы [Сорокин, 2006, с.109]. Наблюдается множество разнообразных фаз, ритмов и тактов в каждой волне. И это свидетельствует о «творчески беспорядочном» характере исторического процесса [Сорокин, 2006, с.374].

«Мы плывем и играем с волной...»

Образ волнующегося мира П.А. Сорокин обнаруживал в ментальности индийской и китайской культур. По доктрине индуизма периодическое разрушение и воссоздание мира повторяются бесчисленное количество раз. Данную модель

П.А. Сорокин квалифицировал как концепцию волнообразно-циклического, бесцельно-осциллирующего развития [Сорокин, 2006, с.467]. Так же он идентифицировал учение о вечном ритме Инь и Ян и объяснительные схемы традиционной китайской историографии [Сорокин, 2006, с.470].

Архаическое представление о периодической смене хаоса и порядка не вдохновляло ученого. Но это не единственная точка отталкивания в разработке лично приемлемой авторской концепции.

Еще в юности П.А. Сорокин скептически оценивал отождествление эволюции и прогресса: «И сами Кондорсе и Конт, сидя в созданной ими телеге оптимистического фатализма, постоянно выпрыгивают из нее перед силой бьющих жизнью фактов действительности. Казалось бы, им нечего волноваться, ибо прогресс совершается непрерывно» [Сорокин, 2014б, с.164]. Видя нереалистичность оптимистического фатализма, проявившуюся и в личной жизненной практике ее адептов, П.А. Сорокин пытался выработать творческую альтернативу.

Впервые, возможно, она сформулирована в его стихотворении «Веселые мальчишки» [Сорокин, 2017, с.402]:

Мы плывем по реке неизбежности,
Мы плывем и играем с волной...
Любы ласки нам мира безбрежности,
Любы брызги нам пены морской...

По-видимому, именно таким отношением к миру объясняется удивительно хладнокровное поведение П.А. Сорокина в годы революции и гражданской войны в России.

В романе «Прачечная человеческих душ» он изложил академический вариант реализации этой стратегии. Его герою глаза Леонардо да Винчи с портрета, казалось бы, говорили: «Полно, безумный, метаться. Законы необходимости непреодолимы... Мир страстей только ранит и только воспаляет и не утоляет жажды. Ты родился для тихого творчества... Шумный мир и жизнь – не для тебя. Ты выше его... уйди... Оставь мирское миру и иди на свою гору. Пусть мир волнуется под твоими ногами. Буди и волнуй его ты сам... Но не спускайся к нему, а поднимай его...» [Сорокин, 2017, с.266–267]. Ученый, например, может сделать изобретение и бросить его в реку жизни. «Да, теперь его бомба готова, и близок день, когда он бросит ее в реку жизни, – размышлял о своем изобретении персонаж романа П.А. Сорокина. – Только брызги полетят кругом. Кто исчислит те перевороты, которые она вызовет? Ни один залив жизни, ни один ручеек не останется спокойным...» [Сорокин, 2017, с.288].

Понятно, что такие случайные возмущения гасятся, а подлинно масштабные изменения незаметны. Но жизненный путь П.А. Сорокина можно рассматривать как серию попыток сделать подобные изобретения. И нельзя не признать, что определенное влияние они имели.

«Мал я разумом, бессилен...»

Любое феноменологическое прочтение характеризуется незавершенностью. Данная статья представляет собой далеко не полную экспозицию тех фрагментов работ П.А. Сорокина, в которых использованы акваморфизмы. Поэтому к оцен-

ке полученных результатов вполне применимы следующие строки из «Биармии» К.Ф. Жакова [Жаков, 1993, с.175–176]:

О, не все известно в мире
 Комиморту-песнопевцу.
 Из отрывков, отголосков
 И преданий отдаленных
 Созидал я ткани песен.
 Из обломков дней минувших
 я решился дом воздвигнуть –
 И просторный, и великий.
 Не удастся мне, конечно,
 До конца воздвигнуть здание.
 Мал я разумом, бессилен,
 Краткотечен в этом мире
 Многосложном и чудесном.

И все же из данного обзора «многосложного и чудесного» мира творчества П.А. Сорокина становится понятно, что мыслил и действовал он в стихии воды. Себя он в этой стихии, судя по его художественным произведениям, ассоциировал, пожалуй, с водопадом.

Оценивая познавательное значение акваморфизмов для разработок П.А. Сорокина, следует указать на две реализованные исследовательские перспективы.

Во-первых, это преемственность между моделью кругооборота воды, темой социальной циркуляции и идеей социальной мобильности. Последняя рассматривалась не только как фактическое состояние более или менее интенсивного социального движения, но и как праксис, повышающий эффективность социальной деятельности за счет стихийного достижения взаимного соответствия человеческих способностей и общественных потребностей. Тем самым был предложен вариант решения выдвинутой Платоном в «Государстве» и вновь поставленной К. Марксом в его выпускном гимназическом сочинении проблемы наилучшего распределения людей по профессиям в системе разделения труда.

Во-вторых, это воплощение в концепциях социальной революции и социокультурной динамики волновой (колебательной) парадигмы исторического процесса в ее открытой (поступательной) интерпретации. Таким образом был предложен вариант синтеза циклической и линейной моделей развития, учитывающий регрессивно-прогрессивные (возвратно-поступательные) процессы в истории.

Литература

- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Соседи России. Польша. Литва. Эстония. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 384 с.
- Жаков К.Ф. Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания. СПб.: Герольда, 1904. – 164 с.
- Жаков К.Ф. На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом. СПб.: Издатель П.П. Осипов, 1905. – 168 с.
- Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 312 с.
- Жаков К.Ф. «Сквозь строй жизни». Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996. – 384 с.

- Молчанов В.И. Феноменология и терминология в Идеях I. Что естественного в «естественной установке»? // Философский журнал. 2018, №4. – С.21–35.
- Савин В.А. Коми море. 2014. 30 нояб. [<https://stihi.ru/2014/11/30/4766>].
- Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. – 303 с.
- Сорокин П.А. Система социологии. М.: Наука, 1993а, Т. 1. – 447 с.
- Сорокин П.А. Система социологии. М.: Наука, 1993б, Т. 2. – 688 с.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
- Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014а. – 496 с.
- Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб.: Изд. дом «Миръ», 2014б. – 832 с.
- Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015а. – 848 с.
- Сорокин П.А. Преступление и кара: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015б. – 496 с.
- Сорокин П.А. Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2017. – 512 с.
- Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. – 640 с.
- Сорокин П.А. Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2019а. – 592 с.
- Сорокин П.А. Сочинения: 1919–1923. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2019б. – 848 с.
- Тюгашев Е.А., Попков Ю.В. П.А. Сорокин о менталите // Наследие. 2018, №1 (12). – С.16–27.
- Улановский А.М. Феноменологическое описание в психологии // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений (Звенигород, 2–5 мая 2004 г.). М.: Смысл, 2004. [<http://hpsy.ru/public/x825.htm>].
- Шергина Г.А. Прозаический этюд о книге В. Савина. 2015. 23 июня [<https://stihi.ru/2015/06/23/4389>].

References

- Gachev G.D. *Nacional'nye obrazy mira. Sosedi Rossii. Pol'sha. Litva. Jestonija* [National world images. Russian neighbors. Poland. Lithuania. Estonia]. Moscow, Progress-Tradicija, 2003. – 384 p.
- Zhakov K.F. *Teorija peremennogo i predela v gnoseologii i v istorii poznaniya* [The theory of variable and limit in the epistemology and history of knowledge]. Saint Petersburg, Gerol'da, 1904. – 164 p.
- Zhakov K.F. *Na Sever; v poiskah za Pamom Bur-Mortom* [To the North in search for Pam Bur-Mort]. Saint Petersburg, Izdatel' P.P. Osipov, 1905. – 168 p.
- Zhakov K.F. *Biarmija: Komi literaturnyj jepos* [Biarmia: Komi literary epic]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1993. – 312 p.
- Zhakov K.F. *«Skvoz' stroj zhizni»* [“Through the system of life”]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1996. – 384 p.
- Molchanov V.I. *Fenomenologija i terminologija v Idejah I. Chto estestvenno v «es-testvennoj ustanovke»?* [Phenomenology and terminology in Ideas I. What is natural in the “natural attitude”?]. *Filosofskij zhurnal* [The Philosophy Journal]. Moscow, 2018, No 4. – pp. 21–35.
- Savin V.A. *Komi-more* [Komi-sea] 2014. 30 nojab. [<https://stihi.ru/2014/11/30/4766>].
- Sorokin P.A. *Dal'naja doroga: Avtobiografija* [A long journey. The autobiography]. Moscow, Moskovskij rabochij, TERRA, 1992. – 303 p.
- Sorokin P.A. *Sistema sociologii* [System of sociology]. Moscow, Nauka, 1993, vol. 1. – 447 p.
- Sorokin P.A. *Sistema sociologii* [System of sociology]. Moscow, Nauka, 1993, vol. 2. – 688 p.
- Sorokin P.A. *Social'naja i kul'turnaja dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow, Astrel', 2006. – 1176 p.
- Sorokin P.A. *Golod kak faktor: Vlijanie goloda na povedenie ljudej, social'nuju organizaciju i obshhestvennuju zhizn'* [Hunger as a factor: the influence of hunger on human behavior, social organization and social life]. Syktyvkar, ООО «Анбур», 2014а. – 496 p.
- Sorokin P.A. *Rannie sochinenija: 1910–1914 gody* [Early works: 1910–1914]. Saint Petersburg, Izdatel'skij dom «Mir'», 2014б. – 832 p.

- «Наследие» № 1 (16) (2020)
- Sorokin P.A. *Listki iz russkogo dnevnika. Sociologija revoljucii* [Leaves from a Russian diary. Sociology of the revolution]. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2015a. – 848 p.
- Sorokin P.A. *Prestuplenie i kara: Sociologicheskij jetjud ob osnovnyh formah obshhestvennogo povedenija i morali* [Crime and punishment: a sociological study of the main forms of social behavior and morality]. Syktyvkar, OOO «Anbur», 2015b. – 496 p.
- Sorokin P.A. *Prachechnaja chelovecheskih dush: Hudozhestvennye proizvedenija. 1907–1923* [Laundry of human souls: literary works. 1907–1923]. Syktyvkar, OOO «Anbur», 2017. – 512 p.
- Sorokin P.A. *Krizis nashogo vremeni. Rossiya i Soedinennye Shtaty* [The Crisis of Our Age. Russia and the United States]. Syktyvkar, OOO «Anbur», 2018. – 640 p.
- Sorokin P.A. *Populjarnye ocherki teorii prava, sociologii i social'noj pedagogiki* [Popular essays on the theory of law, sociology and social pedagogy]. Syktyvkar, OOO «Anbur», 2019a. – 592 p.
- Sorokin P.A. *Sochinenija: 1919–1923* [Works: 1919–1923]. Syktyvkar, OOO «Anbur», 2019b. – 848 p.
- Tyugashev E.A., Popkov Yu.V. *P.A. Sorokin o mentalite* [P.A. Sorokin on mentality]. Nasledie [Heritage]. Syktyvkar, 2018, No 1 (12). – pp.16–27.
- Ulanovskij A.M. *Fenomenologicheskoe opisanie v psihologii* [Phenomenological description in psychology] // Vtoraja Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija po jekzistencial'noj psihologii: Materialy soobshhenij (Zvenigorod, 2–5 maja 2004 g.). Moscow, Smysl, 2004 [<http://hpsy.ru/public/x825.htm>].
- Shergina G.A. *Prozaicheskij jetjud o knige V. Savina* [A prosaic etude about a book by V. Savin]. 2015, 23 ijunja [<https://stihi.ru/2015/06/23/4389>].
-